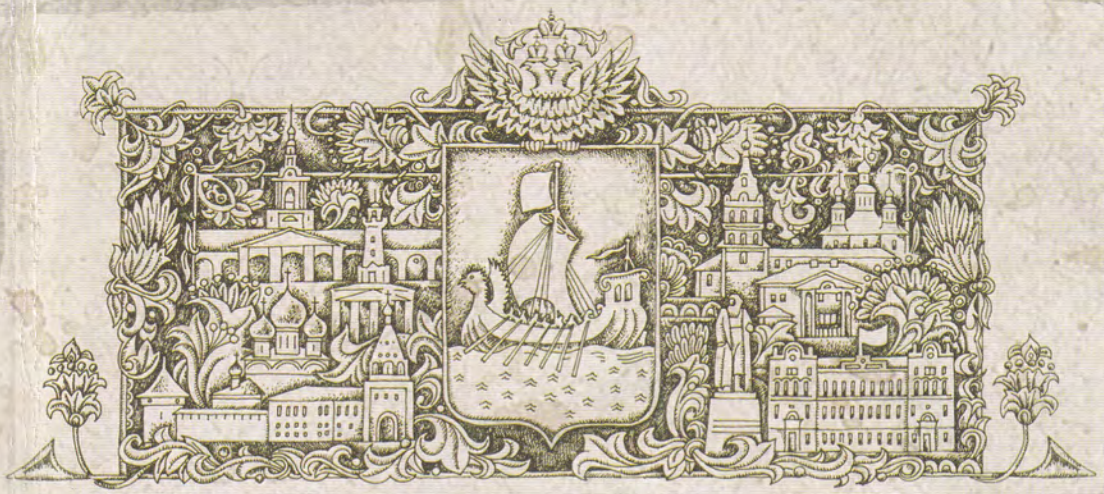


СТРАНИЦЫ ВРЕМЁН

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

КОСТРОМА АНТРОПОВО БОГОВАРОВО БУЙ ВОЛГОРЕЧЕНСК
ВОХМА ГАЛИЧ КАДЫЙ КОЛОГРИВ КРАСНОЕ-НА-ВОЛГЕ
МАКАРЬЕВ МАНТУРОВО МЕЖА НЕЯ НЕРЕХТА
ОСТРОВСКОЕ ПАВИНО ПАРФЕНЬЕВО ПОНАЗЫРЕВО ПЫЩУГ
СОЛИГАЛИЧ СУДИСЛАВЛЬ СУСАНИНО ШАРЬЯ ЧУХЛОМА

№2 (5)

2010

ИЗДАНИЯ ВОЕННОЙ ПОРЫ

Любая коллекция книжного фонда строится по определённым принципам, которые для нас, библиотечных работников, определяет Государственный стандарт, инструкции, профиль комплектования и так далее. Так же происходит и с фондом редкой книги, который аккумулирует в своём составе разнообразные коллекции, сформированные при его создании или в процессе бытования. Один из принципов отбора изданий, получающих статус книжного памятника, гласит, что в эту категорию книг входят «Образцы изданий, выходивших в свет в периоды эпохальной исторической значимости, в том числе в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов».

В человеческом сознании слово «памятник» вызывает ассоциации с чем-то монументальным, но памятник книжный – это совершенно особая статья.

Памятник – от слова память. Память, которую нам, ныне живущим, так необходимо сохранять и передавать дальше.

Для меня война – это, прежде всего, предметы, которые были рядом со мной в детстве. Очень хорошо помню отцовский китель, помню, как, замирая, перекладывала с руки на руку его боевые ордена и медали, и почему-то орден Красной Звезды мне нравился больше всех. Мне всё время хотелось на него подышать и потереть пальцем. А как безмерно горда я была, когда отец разрешал мне поносить свой настоящий лётный шлем с толстущими наушниками и болтающимися сзади ларингофонами, и все мальчишки нашего переулка страшно завидовали мне. И, конечно, помню книги из родительской библиотеки, в то время совершенно не производившие на меня никакого впечатления. Они были маленькие, серые, почти без рисунков, и я, человек, которому от роду было уже пять лет, совершенно не понимала, что это бабушка так носится с ними. Но теперь, когда мне пятьдесят, я её так понимаю...

Вот они, те самые, из коллекции изданий военной поры. Их немного, и они по-прежнему почти без рисунков... Книги военной поры 1941–1945 годов попадали в областную научную библиотеку в основном из книжной торговли. Вся коллекция изданий той поры в отделе ценной и редкой книги областной научной библиотеки состоит из пятидесяти тоненьких брошюрок. Это художественные произведения, которые печатались,

тиражировались и разлетались по фронтам и тылу. Среди авторов: А. Толстой, В. Гроссман, В. Кожевников, В. Катаев, А. Корнейчук, Л. Соболев, Ф. Панферов, М. Шолохов, В. Василевская. Стихи С. Острового, А. Твардовского, К. Симонова, С. Михалкова, М. Алигер. Тоненькие книжечки размером 14 х 15 см и ещё меньше выходили отдельными изданиями и целыми сериями, как, например, серия «Из фронтовой жизни» в «Библиотеке красноармейца». Их издавало Военное издательство при Народном комиссариате обороны СССР. Не забывали и о детях. Государственное издательство детской литературы при Народном комиссариате просвещения РСФСР выпускало серию «Книга за книгой», которая образовывала своеобразную библиотеку для детей среднего и старшего возраста. В ней вышли произведения, которые поднимали дух патриотизма: «Зоя» М. Алигер, «Иванко Крылатко» П. Бажова, «Храброе сердце» А. Гайдара, «Сын артиллериста» К. Симонова и другие.

Но есть среди нашей коллекции несколько изданий, совсем невзрачных, всего в 30 страниц объёмом, которые бьют читателя сразу наотмашь, едва открываешь первую страницу. Это «Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников», вышедших в 1944–1945 годах. Каждый выпуск посвящён определённой местности. Мне хочется перечислить их все, что есть у нас:

О злодеяниях немцев на территории Львовской области;

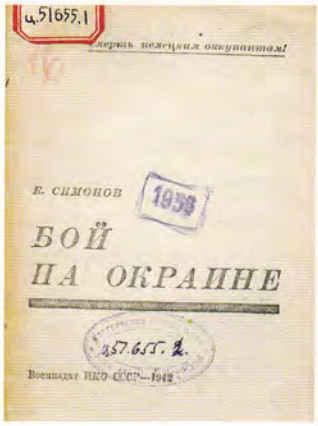
В городе Минске;

В Эстонской Социалистической Республике;

На территории Латвийской Социалистической Республики;

Истребление гитлеровцами советских военнопленных в «Гросслазарете» Славута Каменец-Подольской области;

О разрушении памятников искусства и архитектуры в городах Петродворец, Пушкин и Павловск;



По расследованию злодеяний немцев, совершённых в лагере уничтожения на Майданеке в городе Люблин.

Все они напечатаны на плохой, тонкой, уже желтеющей бумаге. Есть и редкие, страшные своей документальной беспощадностью, фотографии с мест событий. И тем острее встаёт вопрос об их сохранении, сохранении живых документов той эпохи.

В этом году вся страна отмечает, наверное, самый выстраданный праздник в своей истории, шестьдесят пятый раз. Всё дальше отдаляются от нас события тех лет, уходят из жизни ветераны, но память не должна пресекаться, и даже маленькие книги-бойцы сороковых по-прежнему в строю.

Ольга СМИРНОВА,
зав. отделом ценной и редкой книги
областной научной библиотеки

Предлагаемая вниманию читателей книжка «Красноармейский юмор» составлена в основном из сатирических стихов и фельетонов, печатавшихся в газете «Красный Воин» под общим заголовком «В штыки» и написанных группой красноармейских писателей и поэтов, постоянно сотрудничающих в газете.

П. ФУРМАНСКИЙ

МИНУС ДВАДЦАТЬ

Солдат Гитлера, рядовой Оттомар Зайденцопф, 41 года от роду, уроженец города Лейпцига, увлекался справочниками.

Страницы тщательно хранимых им справочников, изрядно исчерченные цветным карандашом, носили следы прилежного чтения. А в записных книжках аккуратным почерком их владельца было зарегистрировано великое множество чуши, снабженной девизом – «Справка прежде всего».

Зайденцопф сообщал в назидание потомству о стоимости ежедневно съедаемой им, Зайденцопфом, пищи, о высоте Эйфелевой башни, о способе оплодотворения верблюдов и о всякой подобной всячине.

Но вот, с середины октября 1941 г. круг интересов упомянутого Зайденцопфа, очевидно, под влиянием климатических и всяких других условий, несколько меняется.

Раздобыв термометр, Зайденцопф аккуратно три раза в сутки регистрирует температуру воздуха.

Ещё он описывал способы противодействия русскому морозу, придуманные им персонально. С чисто арийской аккуратностью подробно перечисляется всякое тряпьё, которым утеплялся скудно экипированный

солдат Зайденцопф. Описывается система из нескольких женских полушалков, соединённых вместе.

Далее следует описание двух шапок – одной смушковой, другой собачьего меха, которые предварительно надеваются на ступни ног, а затем уже втискиваются в продранные солдатские сапоги.

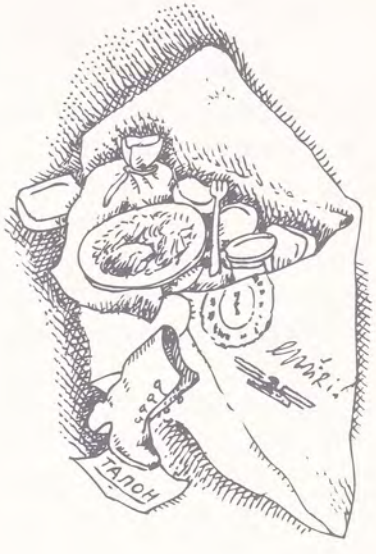
Начиная с середины ноября, Зайденцопф ежедневно даёт оценку своему зимнему «обмундированию». 30 ноября он записывает, что собачий мех греет лучше смушки, так как «левая нога, обутая в смушковую шапку, мёрзнет, в то время, как правая, предохраняемая от подмосковного мороза шапкой собачьего меха, остаётся почти тёплой».

Оттомара Зайденцопфа больше нет. В ночь с 1 на 2 декабря, находясь в сторожевом охранении, он был убит русским морозом. Замерзая, он – любитель справки – достал личного пользования термометр, взглянул на него и умер.

Возможно, что солдат Гитлера Оттомар Зайденцопф умер не от мороза, а от страха, так как термометр показывал минус двадцать градусов по Цельсию – цифру, неизвестную в городе Лейпциге.

Красноармеец Юрий МАТВЕЕВ

ПЕРЕПИСКА



Ефрейтору Шонку пишет жена,
Письмо на фронт из Берлина:
«Мой милый муж, пришли нам пшена
И хотя бы с кило маргарина.

Живём мы «прекрасно», совсем не то,
Что раньше когда-то было,
Достань, если сможешь, ботинки, пальто
И, кстати, немного мыла.

У нас всё «спокойно». Сидим по ночам
В сыром, но «уютном» подвале,
Живём и не тужим (согласно речам),
А будем-ли живы? Едва ли!

Мы раз в две недели имеем талон:
Обед эрзацный, превкусный,
На первое вечный капустный бульон,
На второе – шницель капустный!

Дедушку Франца пустили в «расход»,
Чтоб не думал о хлебе и мясе,
Сказали, что он-де, мол, лишний рот,
А это — измена расе!

Тебе тётя Грета шлёт привет,
Дядя Август, Густав и так далее.
Будь же здоров. Пиши ответ.
Твоя фрау Шонк, Амалия».

Письмо вручено ефрейтору Шонку,
Спешит он ответом порадовать жёнку:

«Дорогая жена, я очень спешу,
Прости за почерк паршивый.
Двадцатые сутки в окопе сижу,
Голодный, холодный и вшивый!!!

Сейчас наша рота (пять человек)
Успешно идёт в наступленье.
Подбросили с тыла нам тридцать калек,
Иначе сказать, — подкрепленье!

Насчёт маргарина, пальто и пшена
Напрасны мечты и надежды,
Я сам, о моя дорогая жена,
Сижу без еды и одежды!

Голод и холод, — сплошная беда,
Целую. Поклон всем низкий.
Кончаю, спешу, идём в ата...»
На этом конец переписке!

Нашёл наш боец оба эти письма
В кармане убитого Шонка.
О смерти мужа узнав, весьма
Печалиться будет жёнка.

Что ж, участь бандитов бесславная ждёт,
Им фюрер спастись не поможет,
Их всех до единого наш народ,
Как бешеных псов, уничтожит!